

МОТИВ «ОБМАННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ» В ВОРОНЕЖСКИХ И КУРСКИХ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Т. Ф. Пухова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 сентября 2024 г.

Аннотация: целью данного исследования является анализ воронежских и курских волшебных сказок с мотивом «обманного договора». Такой разбор дает нам возможность проследить генезис сказки, увидеть историческое развитие системы образов, сюжета от древних мифологических форм почитания духов воды до более поздних сказочных форм, характерных для феодальной эпохи. Источниками для исследования послужили тексты сказок из общероссийского сборника народных сказок А. Н. Афанасьева, сборника сказок А. Н. Корольковой, сборника курских сказок, а также сказок из архива лаборатории народной культуры филфака ВГУ.

Ключевые слова: фольклор, волшебная сказка, культ воды, сюжет, мотив, обманный договор, мифологический персонаж.

Abstract: the purpose of this study is to analyze Voronezh and Kursk fairy tales with the motive of a “fraudulent contract”. Such an analysis gives us the opportunity to trace the genesis of the fairy tale, to see the historical development of the image system, the plot from the ancient mythological forms of reverence for the spirits of water to later fairy-tale forms characteristic of the feudal era. The sources for the study were the texts of fairy tales from the all-Russian collection of folk tales by A. N. Afanasyev, the collection of fairy tales by A. N. Korolkova, the collection of Kursk fairy tales, as well as fairy tales from the archive of the Laboratory of Folk Culture of the VSU Philology Faculty.

Keywords: folklore, fairy tale, cult of water, plot, motive, deceptive contract, mythological character.

В этой статье мы рассмотрим часто встречающийся мотив народной волшебной сказки — мотив «обманного договора» («отдай то, чего в доме не знаешь»). Такой непредсказуемый поворот событий придает сюжету сказки необычайно острый характер, сразу же приковывает внимание слушателей, обеспечивает полную заинтересованность слушателей в экспозиции или в завязке сказки.

В ходе нашего исследования мы будем обращаться к собранию русских сказок из сборника А. Н. Афанасьева, сборников воронежских и курских сказок, а также сказок из архива лаборатории народной культуры Воронежского государственного университета, записанных в 1976–1979 годах.

В. Я. Пропп в книге «Морфология сказки» так говорит об этом мотиве в VII функции «VII. Жертва поддается обману и тем невольно помогает врагу». (Опр. *пособничество*, обозн. g).

1) Герой соглашается на все уговоры вредителя, т.е. берет колечко, идет париться, купаться и т.д. Можно заметить, что *запреты* всегда нарушаются, *обманные предложения*, наоборот, всегда *принимаются* и выполняются. Об. g.

В. Я. Пропп продолжает: «Особую форму обманного предложения и соответствующего согласия пред-

ставляет собой обманный договор. [„Отдай то, чего в доме не знаешь“]. Согласие в этих случаях вынуждается, причем вредитель пользуется каким-либо затруднительным положением своей жертвы. (Разбежалось стадо; крайняя бедность и пр.). Иногда это затруднительное положение нарочно вызывается вредителем. (Медведь берет царя за бороду 117). Этот элемент может быть определен как *предварительная беда*. (Обозн. х. Этим знаком создается отличие от других форм обмана).» [4, 40]

Е. М. Мелетинский в книге «Герой волшебной сказки», обращаясь к древнейшему периоду нашей культуры, связанному с языческим мировосприятием, отмечает, что образ природного божества обладал безусловным авторитетом, любое приказание воспринималось как обязательное к выполнению. В данном случае речь идет о морском божестве, духе воды, «Чудо-Юде Беззаконном» и других.

Именно такие образы водного духа мы встречаем в воронежских сказках.

В сказке «Волшебник» из сборника А. Н. Корольковой (1969) это безымянный дух воды, волшебник: «Отслужил он там и едет домой. Шел он походом, осталось уж немного и до двора. Может два дня пройти — родное село.

Подошел он к реке, нагнул и начал пить. А его кто-то цап за бороду и тянет вниз, в воду. Солдат так-

сяк, этак-никак. **И какой-то невидимый голос** спрашивает: — Отдай, что дома не знаешь, а то утоплю. Он подумал: — Да чего же дома я не знаю? Отдам!

Он его вдруг отпустил.

... Подошли они с сыном к реке. Вдруг **засияло, загремел гром, кто-то песком обрушился**. Он пролетел — сына нет. Все тихо. Постоял-постоял отец, приходит домой. — Ну, что бог даст. А сын его Иванушка оказался в пучине, в подземелье, где сам волшебник живет» [5, 193–194].

В архиве лаборатории народной культуры мы обнаружили несколько сказок с мотивом «обманного договора», записанных в разных селах Воронежской области (*Хитрая наука* № 325; *Чудесное бегство* № 313 А, Б, С) [6].

В сказке «Охик», записанной в селе Старая Тойда в 1967 г. от Швыревой Аграфены Павловны, 1903 года рождения, появляется мифологический персонаж Охик, существо «в рыбьей чешуе».

«Ну вот отслужил он, идет, вернулся домой. И так захотелось ему пить, нагнулся в крыницу, ну, а его за бороду кто-то схватил.

— Пусти

— Нет. Обещаешь отдать, что дома не знаешь?

— Обещаю.

Он же не знал, что дома. Он пошел домой. Там у него сын — такой красавец, ему двадцать пять лет. Ну он и заплакал, и говорит жене: «Вот, такой вот случай со мной произошел».

Привел сына к крынице, и говорит:

«Охик, выйди к нам». Он вышел — сам человек, а чешуя на нем рыбья.

— А когда я смогу его забрать?

— Три года мастерства, если выучится — тогда отдам».

Охик не только представлен в виде человека в рыбьей чешуе, но еще находится в крынице, т.е. это вообще дух воды, а не дух моря и реки. (АЛНК).

В сказке «Иван, Чудо морское и Клара», записанной в с. Старая Чигла Аннинского района в 1979 году от Буравлевой Марии Ивановны, 1906 года рождения, показан такой дух моря, как «Чудо морское семиголовое, семибородое».

Вот он ехал, ехал и вдруг очутился в море остров вот как котёл круглый, ему негде проехать. Ему и говорят:

— Стой! Здесь проезда нету.

Шут ему говорит:

— Отдай, что ты дома не знаешь.

...Приехал домой. Ничего никому не слова. А ехал он много, много земель проехал. Когда приехал домой, сынишке уже 5 лет, шестой.

Печалится он, но виду не подает, а хочется рассказать про свою беду. А сын растет не по дням, а по часам — красавец.

Прошло еще три года, как девять лет ему сравнялось, на 10-й год.

А он и говорит (звать его **Чудо морское семиголовое, семибородое**).

— А как же он найдёт вас?

— Куда клубочек покотится, туда он пойдёт». (АЛНК)

Характерно, что водный дух представлен в этой сказке как в классическом мифе, обладающим фантастической внешностью — многоголовостью, многобородостью. Вспомним сторуких пятидесятиголовых великанов в греческой мифологии, трех-, шести-, девяти-, двенадцатиголовых змеев в славянской мифологии. Здесь водный дух обладает также сакральным числом (семь) голов и бород.

В сказке, записанной в с. Старая Тойда Аннинского района в 1967 году от Попова Михаила Афанасьевича, 1895 года рождения, показан невидимый дух, который имеет имя Демон.

«Сыну исполнилось восемнадцать лет (а старик сказал ему: «Как позову, так сына и посылай»). Однажды **как загремело**: «Посылай сына на работу! Не пошлешь — все богатство развалю!». Он один слышал. Загрустнел, но ничего не сказал. На другую ночь **опять загремело**, даже посуда разбитая: «Посылай сына на работу, а то все в порошок сотру!». Это уже и жена, и сын слышали. Рассвело. За чай сели. Сын спрашивает: «Это, папа, что такое? Какого сына он у тебя спрашивает?». Отец все рассказал. «Ну что ж — я пойду». (АЛНК)

В сказке «Протупей прапорщик», записанной в с. Монастырщина Богучарского района в 1976 году от Плаховой Матрены Ивановны, 1907 года рождения, появляется «чудище морское», которое также ожидает обещанного солдатского сына.

Стоял, стоял корабль, и никак с места не может стронуться. И тогда капитан спрашивает: «Волей или неволей остановился наш корабль?» **А из моря голос звонкий**: «Неволей корабль твой стоит!». «Кто же его задержал?» — спрашивает капитан. «Я», — отвечает **чудище морское**. «Проси у меня выкуп какой хочешь», — сказал капитан, — только отпусти мой корабль». А **чудо морское** ему отвечает: «Выкуп большой брать с тебя не буду. Отдай мне то, чего дома не знаешь».

...Много ли, мало ли время прошло, вырос сын и нашел в сундуке эту грамоту. И говорит отцу: «Что же ты молчишь? Ведь мне к чуду морскому отправляться надо». Загоревал отец, но ничего не подделает. Пришлось сыну к чуду морскому идти.

...И вот оказался он на дне морском, а перед ним чудо страшное. Сам глаза открыть не может — слуги ему палками глаза открывают». (АЛНК)

Последний эпизод напоминает нам образ гоголевского Вия, с той разницей, что Вий — подземное существо. А «чудище страшное» — подводное.

В «Трудах Курского губернского статистического комитета (Вып. первый

Курск, 1863), в «Сказках, записанных в Тимском уезде», были обнаружены две волшебные сказки, в которых есть мотив «обманного договора». Это сказка «Купеческий сынъ Иванъ»:

Жилъ купецъ у города и пошелъ на корабли. Онъ жилъ там три года. Вышла съ кораблей вода... Онъ наклонился напитокъ. **Акиянь Моря** схватил яво за бороду и говоритъ: отдай мнѣ, што дома не знаешь. Купецъ подумал и сказал: возми. Воротился купецъ домой. Жана яво встрѣваетъ съ сыномъ. Онъ заплакалъ и сказалъ ну сынъ а табѣ отказалъ Акиянь Моря. Сынъ выросъ и пошел къ Акиянь Моря. [7, 518].

И сказка «Иванъ-Царевич и Марья-Царевна»:

Жилъ царь. Вотъ онъ отъѣзжая въ нѣкоторыя страны. Пробылъ тамъ два года и едятъ онъ домой. **Съ нимъ встрѣчаитца змѣй** и говоритъ; вотъ я тебѣ съемъ. — Царь говорит: погоди, ня ѣшь. — Змей говоритъ: Откажи, что дома не знаишь. — Царь подумалъ и говорит: возми. — Приходя царь домой. Жана яво устрѣвая съ сыномъ и с дочерью. Он заплакалъ и сказалъ: ах, дѣточки мои! **Я васъ отказалъ змѣю**. Иванъ-Царевич и Марья-Царевна выросли и пошли къ змѣю. [7, 520].

В курских сказках, записанных в XIX веке, мы встречаем наиболее архаичные образы водного духа. В сказке «Купеческий сынъ Иванъ» перед нами дух «Акиян моря» — самый обширный, всеохватный водный дух. Возможно, это образ тех мировых вод, на которых покоилась земля. Во второй сказке «Иванъ-Царевич и Марья-Царевна» водный дух представлен Змеем. И это неслучайно. Ведь змей в мировой мифологии является универсальным мифологическим персонажем, он принадлежит и воздушной стихии (летает), и земле (ходит, бегает), и огненной стихии (выпускает струи огня), и выплывает из моря (плавает). Змей — настоящее хтоническое существо, изначально олицетворявшее собой дикую природную мощь земли, подземное и подводное царства.

Вероятно, в более поздний период в сказках появился образ не природного духа, а духа в виде человека, имеющего разную социальную принадлежность: «царь земли неверной», колдун, и даже черт («нечистый», «окаянный»). Примером тому могут служить 5 вариантов сказки «Морской царь и Василиса Премудрая» из сборника «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3-х томах».

(№ 219):

«Как увидел это царь, взгоревался, зачал плакать и приговаривать: «Что же мне теперь делать? Как опять соберу все стадо в такой маленький сундучок?» И видит он — **вышел из воды человек**, подходит к нему и спрашивает: «Чего ты, царь-государь, так горько плачешь?» — «Как же мне не плакать! — отвечает царь. — Как мне будет собрать все это стадо великое в такой маленький сундучок?» — «Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебе все стадо, только с уговором: отдай мне — чего дома не знаешь». За-

думался царь: «Чего бы это я дома не знал? Кажись, все знаю». Подумал и согласился. «Собери, — говорит, — отдам тебе — чего дома не знаю». Вот тот человек собрал ему в сундучок всю скотину; царь сел на корабль и поплыл восвояси» [3, 139].

«Погоревали, поплакали все вместе и решили, что делать-то нечего, надо отдавать царевича; отвезли его на взморье и оставили одного» [3, 141].

№ 220

Меж тем царь той земли, на которой раскинул золотой город, прислал сказать мужику, чтобы он или отдал ему город, или то, что есть у него дома и чего он не ведает. Не захотелось мужику отдавать города; он подумал: «То, чего я не знаю, не жалко и отдать будет!» — и согласился на последнее. Только вымолвил ответ свой, глядь — города нет: стоит он в чистом поле один-одинехонек, а возле него золотой ларчик с золотыми ключиками. Взял мужик ларчик и поплелся домой.

Приходит в свою избу, а жена несет ему младенца, что без него родила. Тут только спохватился мужик и спознал, чего просил у него царь земли неверной. Делать было нечего; раскинул он золотой город и стал до времени растить сына. Стало сыну осьмнадцать лет; **царь земли неверной** прислал сказать, что пора-де рассчитаться. Поплакал мужик, благословил сына, да и послал к царю». [3, 144].

№ 222

«Как же теперь быть, — думает охотник, — как убрать в сундучок всю эту силу военную? Да этого и черт не сделает!» Глядь — стоит перед ним **окаянный**. «Хочешь, — говорит, — я помогу твоей беде; только не поспеши, отдай мне — чего дома не знаешь». — «Изволь, — отвечает охотник, — готов тебе отдать чего дома не знаю, только с уговором: коли в три дня не сумеешь найти, так оно навсегда при мне останется». — «Ладно», — сказал **окаянный**. [3, 149].

№ 224

Послы воротились и донесли про все **царю Некрещеному Лбу**. «Пусть отдаст мне то, чего дома не ведает; соберу ему дворец в золотой ларчик». Делать нечего, пообещал купец с клятвою отдать то, чего дома не ведает; а царь Некрещеный Лоб тотчас собрал дворец в золотой ларчик. Взял купец золотой ларчик и пустился в дорогу.

Прошло лет с десяток и побольше того; вырос купеческий сын, поумнел, похорошел и стал молодец молодцом. Раз поутру встал он весело и говорит отцу: «Батюшка! Снился мне нынешней ночью **царь Некрещеный Лоб**, приказывал к себе приходить: давно-де жду, пора и честь знать!» Прослезилась отец с матерью, дали ему свое родительское благословение и отпустили на чужую сторону [3, 161].

№ 225

Жил-был богатый купец. Пошел он ходить по чужим сторонам, дошел до реки и захотел пить; стал

он в той реке пить, и схватил его **Чудо-Юдо Беззаконный** и просит: «Отдай ты мне, чего дома не знаешь». Купец думал-думал: «Кажется, я все дома знаю!» И сказал: «Ну, возьми!» Чудо-Юдо отпустил его. Отправился купец на родину; немалое время был он в пути, пришел домой, а без него жена сына родила. И растет этот сын не по годам, не по дням, а по часам, по минутам. Требуется Чудо-Юдо уплаты. «Поддай, — говорит, — мне, что сам обещал». Отец не дает, жалко ему своего сына, а сын говорит: «Что же делать, батюшка! Благослови меня, я пойду» [3, 165].

№ 226

«Жил-был охотник, ходил-бродил в лесах целые дни. Раз как-то и заплутался, и пристигла его темная-темная ночь, да такая холодная, что зубом на зуб не попадешь! Утомился, прозяб бедняга и не придумает, где и как ему ночь провести. Вдруг усмотрел — недалеко в стороне огонек светится; пошел на огонь и видит — у **зажженного костра чернец сидит. А то не чернец был, а был сам нечистый.** «Позволь, отче, погреться!» — просит охотник. «Если хочешь погреться, — отвечает черт, — то отдай мне то, чего дома не знаешь». Охотник согласился, а того не ведал, что ему бог сына даровал. Заснул у костра, а наутро воротился домой.

Вот как подрост у него сын — этак лет десять сравнялось — и стал собою писанный красавец, то отец, глядя на него, не мог удержаться, чтоб не заплакать. «Батюшка! О чем плачешь?» — спрашивает сын. «Смотрю на тебя, что ты на беду зародился, и плачу». И рассказал ему, как у него с чертом было условлено. «Ну что ж? Ведь этого назад не воротить! — сказал сын. — Пойду-ка я к нечистому» [3, 168].

Характерно, что во всех сказках с мотивом «обманного договора» сын не спорит с отцом. Узнав о своей судьбе, соглашается и уходит к вызывающему его духу. Воспринимается все это в семье как должное, как обязательное подчинение водному духу:

«Отец все рассказал. «Ну что ж — я пойду».

«Загоревал отец, но ничего не поделаешь. Пришлось сыну к чуду морскому идти».

«Сынъ выросъ и пошел къ Акиянь Морю».

«Ивань-Царевич и Марья-Царевна выросли и пошли къ змѣю».

«Погоревали, поплакали все вместе и решили, что делать-то нечего, надо отдавать царевича».

«Царь земли неверной прислал сказать, что пораде рассчитывать. Поплакал мужик, благословил сына, да и послал к царю».

«Снился мне нынешней ночью царь Некрещеный Лоб, приказывал к себе приходить: давно-де жду, пора и честь знать!» Прослезилась отец с матерью».

«А сын говорит: «Что же делать, батюшка! Благослови меня, я пойду».

«Ну что ж? Ведь этого назад не воротить! — сказал сын. — Пойду-ка я к нечистому».

Об этом признаке древнего мифологического сознания образно говорил Е. М. Мелетинский: «Поступками его **фатально** определяются различные обычаи, порядки, нормы поведения для грядущих поколений» [2, 8]. А обычаи и нормы того времени требовали беспрекословного подчинения божеству, исполнения требования традиции.

Итак, рассмотрев сказки из общероссийского сборника А. Н. Афанасьева, сборников сказок А. Н. Корольковой и курских сказок, сказок из архива лаборатории народной культуры филфака ВГУ, имеющих в составе сюжета мотив «обманного предложения», мы пришли к следующему выводу.

Разбор сказок с мотивом «обманного договора» дал нам возможность проследить генезис сказки, увидеть историческое развитие системы образов, сюжета от древних мифологических форм почитания духов воды («Чудо-Юдо морское», «Чудо морское семиголовое, семибородое», «Акиян-Море», Змей, «человек в рыбьей чешуе») до более поздних сказочных форм, характерных для феодальной эпохи («царь некрещеный лоб», «царь земли неверной», чернец, «окаянный»). Обязательное исполнение приказания водного духа говорит о живучести представлений о божестве/духе воды, о большой степени почитаемости водного духа в самых различных его ипостасях в текстах русских волшебных сказок XIX — середины XX веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. АЛНК — Архив лаборатории народной культуры им. С. Г. Лазутина.
2. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки Е. М. Мелетинский. — М.-СПб.: Академия Исследований Культуры. Традиция, 2005. — 240 с.
3. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3-х томах. — Т. 2. — М., 1957.
4. Пропп В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. — Л.: Academia, 1927. — 80 с.
5. Русские народные сказки. Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. Н. Корольковой / Сост. Померанцева Э. В. — М., 1969. — 406 с.
6. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. / Сост. Барак Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В. — Л.: Наука, 1979. — 437 с.
7. Сказки, записанные в Тимском уезде. Собрал Ф. Белкин. — Труды Курского губернского статистического комитета. — Выпуск первый — Курск, 1863. — С. 518–543.